

Сергей Терентьевич Семенов
Бабы

Date: 2 сентября 2009

Изд: Семенов С. Т. "Рассказы". М., "Художественная литература", 1970

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

БАБЫ

I

В понедельник на Фоминой рано утром Влас Мигушкин вышел из своей избы. Это был мужик лет тридцати, среднего роста, прямой и крепкий, с светло-русой бородой и чистым взглядом голубых глаз. Помолившись на четыре стороны, он не спеша надел на голову картуз и пошел от своего двора вниз по селу, к речке, отделяющей их владения от наделов других деревень. В одной руке его было железное ведро, и он, слегка погромыхая им и помахивая другой рукой, спускался под гору.

Было настолько рано, что на улице стояла полная тишина, только на одном дворе слышалось мычанье коров, просивших корма, да в крайнем окне последней избы виднелись огоньки затопляющейся печи. Но Влас ни на что не обращал внимания, он был очень озабочен, и эта забота охватывала все его существо. С пасхой кончилась гулевая пора, нужно было покидать избу и выходить на волю -- ко двору, на усадьбу, в поле. Дело это было очень обыкновенное. Но прошлой осенью у них умерла мать, которая, бывало, оставалась дома, копалась у печки и "пестала" их ребятишек, и ее заменять приходилось его Иринье. На место же Ириньи поступал новый человек: они наняли работницу. Это случилось первый раз во всей их жизни, и эта-то новость озабочивала Власа.

Заботу Власа разделяла и Иринья. Оба они немало поволновались, прежде чем нанять кого-нибудь. Они соображали, кого лучше взять: старуху, девочку или заправскую "батрачку". Заправская пугала тем, что при плохом урожае она могла прийти внаклад. У Мигушкиных все доходы были только от полей. Правда, они работали старательно; Влас вина почти не пил, притом в Хохлове было много земли. Их бывший помещик, умирая, отказал им на общество, кроме надела, триста десятин, но все-таки... Просудивши весь пост, Мигушкины решили нанять заправскую, с которой все бы можно было спросить, и они наняли одну бабу-солдатку из деревни другого прихода.

Большаком в доме считался Влас, но нанять работницу ходила Иринья. Влас как-то не умел обходиться с бабами. Он рос один сын, не видал вокруг себя ни невесток, ни сестер. Еще будучи холостым, он водился только с соседскими ребятами и к девкам испытывал врожденную робость. Когда его собирались женить, то Влас испытывал такие муки, точно шел на пытку. Для него страшно трудно было вести разговоры с невестой в рукобיתье, с гостинцами и в самую свадьбу, и когда он собирался ехать туда, то чуть не плакал. Когда же кончилась свадьба, он понемногу привык к своей жене, привязался довольно крепко и, помимо ее, ни на какую бабу глядеть не хотел. С другими бабами он не умел, как следует, говорить и плохо понимал. Мысль, что должна прожить у них в доме целое лето другая баба, даже пугала его, и он не знал, как ему примириться с ней.

Работница должна была прийти сегодня, и сегодняшнюю ночь Влас даже плохо спал... Обдумывая, как они с женой ее встретят, как будут обходиться, Влас прошел село и очутился за околицей. Река была недалеко, и над ней густым паром поднималась обильная роса. Вода, еще мутноватая от распускавшейся земли, наполняла всю речку и, струясь мелкой рябью, образовала на середине струю, как девичью косу. На повороте было заметно, как быстро вода стремилась вниз. Откуда-то доносилось глухое журчанье ее. Росший на другом берегу смешанный лесок стоял точно облитый от росы; в нем кое-где белел снег, и роса от него шла еще гуще. Влас подошел к речке, размахнул воду и, почерпнув ведро, вытянул его и тотчас же зашагал обратно. Когда он пришел в избу, Иринья, высокая, худощавая, немного сутуловатая, с начинающим морщиться, но все еще миловидным лицом, хлопотала около печки. Она тоже, как и Влас, казалась озабоченною. Принявши от мужа воду, она проговорила:

-- Сейчас, что ли, самовар-то ставить или подождать?

-- Ставь сейчас, небось и она скоро придет.

Действительно, только поспел самовар и Влас поставил его на стол, как в избу вошла работница. Она была высокая, плотная, с окутанной дешевой линючей шалью головой, в поношенной карусетовой кофте и новой, домотканой, полубумажной юбке, которая еще совсем не обносилась и сбегала к подолу прямушкой, неохотно сгибаясь на складках. На ногах ее были большие нескладные сапоги; из-под платка